

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В последние десятилетия вопросы, связанные с языковым состоянием, постоянно находятся в поле зрения русистов как на исконной российской территории, так и в странах СНГ (в частности, в Республике Казахстан), где в новых условиях своего функционирования и интенсивности использования русский язык продолжает выполнять различные функции – от функции основного средства коммуникации у русских и русскоязычных его носителей до функции языка официально употребляемого и языка межнационального общения, что соответственно определяется законами о языках в конкретном суверенном государстве. Общепризнанным при этом является мнение о том, что русский язык, особенно начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, значительно и даже резко изменился как структурно, так и в функциональном отношении. Такое представление о русском языке естественно и правомерно связывают с экстралингвистическими, социокультурными по своей природе обстоятельствами, в которых он оказался и которые значительно активизировали в нем все процессы, потенциально заложенные в языковой системе. Не случайным поэтому представляется повышенное внимание исследователей к такому аспекту осмысления языка, которое было названо общеупотребительной лексемой *состояние*, выступающей теперь в лингвистических работах с оттенком терминологичности и подчеркивающей специфический взгляд на проблему.

Внимательный анализ лингвистической литературы последних десятилетий, представленных монографическими работами авторского и коллективного исполнения (Дуличенко 1994; Костомаров 1999; Русский язык конца XX столетия 1996; 2000; Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI веков, 2008, и др.), многочисленными статьями и тезисами докладов на солидных конференциях разных (в основном международного) уровней, а также уже появившимися обобщающими учебными пособиями (Валгина 2003; Сулименко 2006; Шанский 1991, и др.), в которых предложены, безусловно, удачные опыты описания активных процессов в русском языке в аспекте современного социолингвистического взгляда на языковую ситуацию новейшего времени, показывает, что интерпретация такого состояния русского языка и в России, и на всем постсоветском пространстве вообще, как правило, связывается лишь с синхронным взглядом на указанную проблему. Не отрицая такого подхода к объяснению состояния современного русского языка, отмечаемого на стыке XX-XXI веков и, одновременно, II-го и III-го тысячелетий, мы хотели бы обратить внимание и на другую сторону этой многоаспектной, неоднозначно представляемой и решаемой проблемы русского языкознания.

Как ни покажется парадоксальным, более глубоко понять данное состояние современного русского языка помогает *синхронно-диахроническая* интерпретация в целом поставленной в русистике проблемы, исторический, ретроспективно-синхронный взгляд на происходящие в русском языке наших дней изменения и активные процессы. С учетом подобного подхода необходимо вспомнить, что русское языкознание и, в частности, диахроническая русистика, уже давно обратили внимание на такой удивительный факт, как относительно четко представленные в развитии русского языка судьбоносные вехи, значительная часть которых приходится на *стыки столетий*. История языка как бы изнутри отзывается на хронологические разломы с периодичностью в столетие или два (реже – больше, но, как правило, именно на стыке столетий). Об этом говорит известная периодизация истории русского литературного языка, помогающая ощутимо проследить указанную закономерность на его историческом, письменно зафиксированном этапе.

Попытаемся ретроспективно представить эти вехи с позиции диахронии в синхронии языка и их наиболее существенные особенности, отражающие смену эпох и синхронных срезов, чтобы подтвердить указанную закономерность.

Так, на **стыке X-XI вв.** в связи с принятием христианства и крещением Руси у восточных славян возникает письменность, благодаря которой в первые же столетия ее применения начинается накопление первичного опыта литературного выражения благодаря созданию оригинальных памятников древнерусской эпохи. Именно возникновение письменной фиксации как экстралингвистический фактор довольно

быстро меняет языковую ситуацию в Киевской Руси в целом, которая до сих пор вызывает дискуссии у историков языка, в частности, относительно его генетической основы и соотношения южнославянских (старославянских в своей основе) и древнерусских, в генезисе исконных черт, в силу сложившихся культурно-исторических обстоятельств, отраженных в лингвистической организации текстов этого отрезка истории. Данный период интересен и научно значим потому, что именно в это время зарождается *литературная*, книжная по своей природе форма русского языка, которая и стала ареной дальнейших дискуссий, споров и неоднозначных решений относительно ее природы, состава и *состояния* на разных синхронных срезах диахронической оси его истории и во многом определила *современное* его *состояние* через более чем тысячелетие его сложения и функционирования.

Стык XIV-XV вв. также оказался судьбоносным для русского литературного языка, поскольку как раз в это время происходит дифференциация, разделение древнерусского языка на три ветви близкородственных языков – великорусскую, белорусскую, малорусскую, что не могло не сказаться как на дальнейшей судьбе и самого русского (великорусского, старорусского) языка, так и на языковой ситуации в Московской Руси. В этот период, как известно, происходит существенный разрыв между книжно-письменным и разговорным языком, поскольку в последнем отмечаются перманентно накопленные и ставшие к концу XIV – началу XV вв. существенными изменения в его структуре на всех уровнях, особенно в грамматике (унификация системы склонений, исчезновение из активного употребления звательного падежа, изменения в системе времен, сокращение парадигмы числа, изменения в составе местоимений и др.). Безусловно, это была своеобразная революция в русском языке, которая дала толчок для дальнейшего совершенствования литературной формы выражения и потенциального развития стилистического полифонизма в последующей его истории.

Такая тенденция существенно усиливается в *национальный период* и, опять же, как это ни покажется странным или парадоксальным, с завидной периодичностью наиболее зримо проявляется на последующих этапах именно на хронологически обозначенных отрезках, связанных со стыком веков и эпох. При этом примечательно и закономерно еще одно обстоятельство: огромную значимость в такие периоды приобретает появляющаяся на арене истории формирующейся русской нации необычная, исторически значимая личность, непосредственно определяющая дальнейшие судьбы русского литературного языка.

Так, наиболее ощутимые изменения подобного рода отмечаются в русском языке в *начальный период* его становления как национального, что соответственно изменило языковую ситуацию на **стыке XVII-XVIII вв.**, в так называемую Петровскую эпоху, когда, по выражению А.С. Пушкина, Петр I «Россию поднял на дыбы». Лучше, чем этими словами русского гения, невозможно охарактеризовать новаторство его преобразований и, несомненно, революционный их характер, который соответственно произвел такую же революцию и в языке, и в языковом сознании его носителей, и в языковой ситуации на разломе веков. Это дает нам зримое представление о новом, исторически детерминированном *состоянии* русского языка, характеризующемся «значительными внутренними перестройками, перегруппировками, сменами, отражающими активно протекающий процесс складывания русского литературного языка нового времени и норм в области лексической семантики и словоупотребления» (Кутина 1977: 28). Подобное состояние русского литературного языка к концу XVII – началу XVIII вв. традиционно (достаточно обратиться к любому учебнику по истории русского литературного языка) называют в науке то «хаосом», то «смешением» и «неразберихой» в выборе языковых единиц, массово отразившимися в лингвистической организации текстов данного периода, с чем трудно согласиться с учетом синхронно-диахронической их интерпретации. Дело в том, что на такую организацию текста, как правило, смотрят с позиции *нормы* употребления языковых единиц. Причем над понятием «норма» в таких случаях довлеет ее современное понимание как устоявшегося, кодифицированного и потому легитимно закрепленного и регламентированного для всех носителей языка явления, которое, на наш взгляд, не всегда учитывает диахронический подход в ее интерпретации применительно к конкретному историческому отрезку истории русского языка. Думается, именно по этой причине резкие изменения на функциональном уровне языка воспринимаются как хаос и неразбериха в силу смешения уходящего и нарождающегося, нового и старого, общепринятого и индивидуального, генетически «своего» и «чужого», заимствованного, особенно резко эксплицирующиеся на первых этапах таких перемен. Однако интерпретация текстов любого синхронного среза (в прошлом или настоящем) с позиций диахронии в синхронии языка снимает подобные оценки, поскольку смешение языковых элементов разных уровней языка и разной их генетической и функционально-стилистической природы в пределах дискурсной продукции необходимо воспринимать как естественный процесс развития

языка, создающий свою своеобразную норму, только *норму переходного периода*, какой была, например, и сама Петровская эпоха (см. об этом в наших работах разных лет: [Гайнуллина 1996: 12; Гайнуллина 2003: 30-34; Гайнуллина 2004: 4-7]). С этих позиций интерпретация и понятия «состояние языка» применительно к переходным периодам истории его носителей приобретает более объективированный характер, поскольку каждый такой резкий переход от одного состояния общества к другому, периодически наблюдаемый в жизни носителей языка и находящийся в последнем естественное отражение и воплощение, должен оцениваться как связующее звено в цепи многих других звеньев в историческом процессе его развития. Именно в такие периоды естественно возникает своеобразная норма выбора и использования языковых единиц, которую мы называли нормой переходного периода и которая обычно носит временный характер, являясь основой для рождения новой нормы, легитимно закрепляемой обществом и действующей до следующего подобного «взрыва», идущего, как правило, извне. Краткий анализ дальнейших судеб русско-го литературного языка подтверждает названную особенность его истории.

В частности, **стык XVIII-XIX вв.** оказался еще одной вехой в подобной череде хронологически детерминированных этапов на диахронической оси истории русского литературного языка. Он был ознаменован явлением на исторической арене развития русского литературного языка гения Пушкина, своим творчеством продемонстрировавшего синтез в использовании накопленных богатств книжного и разговорного генезиса, которые долгое время оставались функционально разобщенными либо закрепленными за разными жанрами письменной продукции. Это создавало значительные сложности в использовании литературной формы языка в национальный период развития и порождало споры о его судьбах как в конкретный период его применения, так и на перспективу. Такие споры и дискуссии будоражили общественное мнение и создавали критическую по своей сути ситуацию в той части общества, которая была наиболее обеспокоена судьбами языка, оказавшегося в центре социально и культурно значимых проблем и потому важных для носителей языка в целом. Такой дискуссией, как известно, стала так называемая борьба «шишковистов» и «карамзинистов», или «архаистов» и «новаторов», толчком к которой послужила опубликованная в 1803 г. известная сейчас любому филологу полемическая статья А.С. Шишкова «Разсуждение о старом и новом слоге российского языка». И хотя в ней содержалось немало интереснейших для любого лингвиста наблюдений об этимологии, путях и способах образования слов, их различиях в употреблении и смысловых нюансах, в целом она была воспринята как тормоз к прогрессивному развитию русского литературного языка и призыв к старине, а не обновлению (особенно там, где речь шла о заимствованиях), потому и вызвала определенное замешательство и неприятие у современников, обеспокоенных, по их мнению, призывом к старине и славянщизне. Зато значимость ее видится в том, что она пробудила новые мысли и подходы к языку и его использованию. Вот почему полемику между «архаистами» и «новаторами» можно рассматривать как своеобразный революционный по своей сути взрыв в функциональной сфере языка, в пределах которого рождались прогрессивные идеи о новых путях развития русского литературного языка. Это была борьба не просто за нечто старое или новое в языке – это была борьба за новую норму, а следовательно, и за стилистику текста, которая бы совместила лучшее как из книжных традиций, так и из области богатств, накопленных в живой разговорной речи. А это уже программа! Программа, символично появившаяся на стыке веков! И такой синтез разных в генетическом и стилистическом отношении языковых стихий и их использование в пределах текста показал в своем поэтическом и прозаическом творчестве гениальный А.С. Пушкин, определив тем самым пути дальнейшего развития русского литературного языка, именно с этого времени получившего в науке статус *современного*. Своими произведениями он явил новый облик русского литературного языка как реакцию на запросы времени и общества. Но во всем этом удивительно другое: такое состояние языка и представлений о его дальнейших путях развития вновь оказалось связанным с хронологическим разломом, стыком веков, обозначившим целую эпоху в исторических судьбах русского литературного языка, ибо гений А.С. Пушкина, как в свое время указал В.В. Виноградов, в литературном и культурно-языковом контексте 10-20-х годов XIX столетия в спорах «архаистов» и «новаторов» не позволил ему полностью солидаризироваться и отождествить себя ни с одним из этих направлений (см., в частности: [Виноградов 1982: 271-272]).

Как показали наши наблюдения, на последующих этапах истории русского языка периоды «узуальных взрывов» (выражение В.В. Колесова), порождавших переходное состояние в русском языке, сокращались примерно до столетия. Но при этом с завидной периодичностью они подтверждали закономерность их возникновения на диахронической оси развития, выпадая на стыки веков, отзываясь на социальные изменения (а лучше сказать потрясения) в форме смены культурно-исторических парадигм как в жизни об-

щества, так и в языке. Естественно поэтому с позиций диахронии в синхронии языка характерным представляется **стык XIX-XX вв.** Данный рубеж истории языка определяют как «один из самых сложных этапов в развитии русского литературного языка, характеризующийся дальнейшей дифференциацией стилей литературного языка и его жанровых разновидностей, тенденцией к ломке устоявшихся стереотипов, утратой художественной литературой права на монополизацию норм литературной речи, усилением роли публицистических жанров, политической литературы, проникновением в литературный узус неcodифицированных подсистем русского языка – просторечия, профессиональных и социальных жаргонов» [Грановская 2005: 6]. В этой цитате из работы известного исследователя русского языка XIX-XX вв. мы хотели бы обратить внимание на такие оценки указанного рубежа столетий, приведенные как констатация представлений об этом отрезке времени, как «дифференциация стилей», «тенденция к ломке устоявшихся стереотипов», «проникновение в литературный узус неcodифицированных подсистем русского языка» в виде просторечия и жаргонов. Собственно, все эти признаки *состояния* литературного языка в основном характерны и для предыдущих его состояний на приведенных выше рубежах веков. Именно их реализация (в большей или меньшей степени) в текстовой продукции на разломе и стыке веков создает в отдельные (не всегда длительные) отрезки истории своеобразное видение такого состояния русского языка как отступление от нормы, воспринимаемое в качестве хаоса или, по меньшей мере, необычности в форме смешения и неупорядоченности, которые существенно отличают его от эволюционных, относительно спокойно протекающих процессов в предшествующие периоды. Так было и в петровское время, и на стыке XVIII-XIX вв. Так было и на стыке XIX-XX вв., когда середина XIX в. даже современникам представлялась своеобразным «провалом» в истории, тем более резко подчеркивавшим, как писал известный философ-идеалист и философ языка того времени Г.Г.Шпет, «новый взлет культурно-исторической волны к концу замечательного века» (цит. по: [Грановская 2005: 387]). Как правило, именно ключевые, исторически мотивированные своим появлением на длительном пути развития литературной формы русского языка такие категории, как *славянизмы* с их исторически детерминированной книжной стилистической коннотацией, *просторечие*, особенно актуализировавшееся примерно с середины XVII в., и *заимствования*, в их столкновении в пределах текста стали основными маркерами необычности стилистики текстов. Именно они попадали в поле зрения носителей русского языка прошлого, спонтанно чувствовавших подобные революционные изменения, обострявшиеся на рубеже столетий. Современная же историческая наука лишь с высоты времени пытается дать им научную оценку, нередко просто констатируя ее применительно к *отдельным* отрезкам истории языка. Однако выстроенные в единый ряд, указанные выше рубежи столетий являют нам интересную закономерность в их повторяемости и регулярности возникновения, в том числе и стык XIX-XX вв., обнаруживший все многообразие проблем, выдвинутых историей. Не случайно в этот период на арене истории русского языка и русской культуры появляется гений Л.Н. Толстого, демонстрирующий поиски новых приемов использования языковых средств в литературном языке последних десятилетий XIX в. на фоне представлений о норме использования накопленных богатств русского языка другими писателями этого же времени (Ф. Сологуб, А. Ремизов, Е. Замятин и др. представители зарождавшегося символизма и иных течений в литературе). Все эти поиски обновления литературного языка на стыке веков, на наш взгляд, следует рассматривать как переходное его состояние, в существенной степени усиленное таким экстралингвистическим фактором, как Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. Смена культурно-исторических парадигм, произошедшая под ее влиянием, стала источником новизны в языке советского времени и подчеркнула сложность данного отрезка истории русского языка, ибо в нем оставалось либо создавалось много неясного: «слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося» [Чернышев 1970: 449]. Это и определяет то, что мы называем «нормой переходного периода».

О том, что происходило с этим состоянием русского языка, говорит бурное развитие лингвистической мысли с начала XX в. и до его конца, когда вновь на диахронической оси его истории происходит новый «вузальный взрыв», вызванный экстралингвистическими обстоятельствами, в которых язык развивался. Этот новейший период истории русского языка, как мы видим сейчас, также приходится на **рубеж XX-XXI столетий**. Именно он, этот рубеж, вызвал бурное обсуждение *состояния* языка, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия и особенно в 90-е годы – начале XXI в. Чтобы понять масштабы такого обсуждения, достаточно вспомнить публикации того времени, а также череду конференций разного уровня и статуса, которые прошли в указанный период. Причем названия таких конференций весьма красноречиво говорят не только об изменившемся состоянии русского языка, но и об обеспокоенности

этим состоянием и общества в целом, и научного сообщества. Объем доклада не позволяет привести полный перечень такой литературы (в принципе, известной каждому, кто занимается вопросами синхронного состояния русского языка). Поэтому ограничимся, с нашей точки зрения, наиболее существенными и значимыми работами ученых, внесших важный вклад в осмысление и интерпретацию того, что происходит с русским языком современности: [Русский язык в его функционировании 1993; Дуличенко 1994; Костомаров 1999; Русский язык конца XX столетия 1996; 2000; Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI веков 2008, и ряд др.]. Все без исключения указанные и не названные здесь источники подчеркивают резкую смену общественно-политической и культурно-исторической обстановки на территориях распространения русского языка (Россия и постсоветское пространство, образовавшееся в результате распада некогда единого государства – СССР). Однако важным представляется то, что точкой отсчета в оценке *состояния* русского языка называется середина 80-х годов XX столетия, когда началась так называемая перестройка в обществе, вызвавшая резкие изменения в языке. К началу 90-х годов уже стало ясно, что конец XX в. знаменуется революционными сдвигами в языке, которые необходимо осмыслить и дать им оценку. И такую научную оценку происходящего в русском языке этого времени дали в процессе так называемой «почтовой дискуссии» 1991 г., организованной Ю.Н. Карауловым, видные ученые современности Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.С. Герд, А.В. Бондарко, В.В. Колесов, Е.Н. Ширяев и др. Отмечая эти изменения в языке 80-90-х гг. XX в. (сниженность литературных форм выражения и агрессию в использовании языковых единиц в результате широкого вовлечения в речевую практику просторечия, вулгаризмов, жаргонизмов, уголовного аргю и т.п.; широкую волну неологизации за счет словотворчества, в том числе и индивидуально-авторского; заметные изменения в сочетаемости лексических единиц и структуре предложений и т.д.), участники дискуссии, тем не менее, пришли к единодушному мнению, что сам язык в его строении и системе не изменился, – изменились приемы использования его единиц в речи, то есть изменилась культура речи. Разумеется, это привело к значительному обновлению русского языка на всех уровнях, в первую очередь на лексическом. Ю.Н. Караулов назвал *три источника* такого обновления: «во-первых, наше прошлое, т.е. возвращение хорошо забытого старого; во-вторых, внутренние ресурсы самого языка, его словообразовательные, семантические и синтаксические потенции; и в третьих, новейшие англоязычные заимствования» [Караулов 1995: 17], которые в массе хлынули в этот период в русский язык. Как видим, со сменой культурно-исторических парадигм на стыке XX-XXI вв. вновь на арену выходят практически всё те же три исторически детерминированные категории, которые и в прошлые переходные этапы истории языка оказывались эксплицированными временем. Именно они вновь создают восприятие беспорядка, смешения и даже хаоса в составе этих значительных языковых изменений, будоражащих общество и вызывающих противоречивые оценки и самого языка, вплоть до крайних мнений о том, что язык не просто портится, но погибает.

Как видим, с позиций диахронии в синхронии языка на всех перечисленных и значимых для исторического взгляда на состояние русского языка хронологических стыков веков возникает такое состояние переходности на диахронической оси его истории, которое, как правило, связывается, с одной стороны, с разрушением *сложившейся* в предшествующие периоды нормы, а с другой – с борьбой за *новую* норму. Однако прежде чем подобный спор исторически разрешался, язык попадал в промежуточную полосу соединения, наложения, смешения старого и нового, создававших свою специфическую узусальную норму – норму переходного периода. И такое состояние языка почему-то чаще всего оказывалось эксплицированным на стыках столетий в условиях революционных (то есть кардинальных по своей сути) перемен, вызванных экстралингвистическими факторами в развитии общества. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что абсолютизировать хронологические разломы истории, связывая их с революционными изменениями в языке, – дело неблагодарное и, возможно, даже кому-то покажется сомнительным, так как такие границы относительно условны и «далеко не изоморфны тем или иным процессам» [Грановская 2005: 11]. Тем не менее, как показал приведенный выше краткий комментарий применительно к интерпретации понятия «состояние языка» с позиций диахронии в синхронии, взаимосвязь и взаимообусловленность изменения *состояния* языка и хронологических границ, обозначенных стыками веков (и даже тысячелетий), – факт неоспоримый. Именно на стыке веков, подчиняясь каким-то невидимым и непостижимым законам смены эпох в его развитии, как правило, носящих революционный характер и проявляющихся в виде своеобразных взрывов, мотивированных и внешними, экстралингвистическими факторами, и внутриязыковыми процессами перманентно накапливаемых изменений при переходе одной диахронии в новую синхронию, в языке в *n*-ный момент таких кумулятивных процессов наступает «взрыв», на время создающий

переходную полосу в его историческом движении, в пределах которой и возникает своеобразная *своя* норма – норма переходного периода. Она-то и определяет «лицо» состояния языка в подобные моменты его истории. И не учитывать это, думается, невозможно, ибо понимание такой закономерности, возможно, позволит прогнозировать судьбы языка в его перспективе.

Литература

- Актуальные проблемы современной русистики / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1991.
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Уч. пос. М.: Логос, 2003.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. Изд. третье. М.: Высшая школа, 1982.
- Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 1996. 50 с.
- Гайнуллина Н.И. Языковая ситуация как категория диахронии // Русский язык в Кыргызстане: Матер. Междунар. науч. конф., 28-29 октября 2002 г. Бишкек, 2003. С. 30-34.
- Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 2 (74). Алматы, 2004. С. 4-7.
- Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. М.: Элпис, 2005.
- Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
- Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русская речь. № 1. 1995. С.5-23.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
- Кутина Л.Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии / Проблемы исторической лексикографии. Л.: Наука, 1977.
- Русский язык в его функционировании. М., 1993.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Studia philologica, 2000.
- Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: «Языки славянских культур», 2008.
- Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: Уч. пос. М.: Наука: Флинта, 2006.
- Чернышев В.И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Т.Е. Баженова (Россия, Самара)

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛЕКТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕСЕН САМАРСКОГО КРАЯ)

Диалектная речь и язык фольклора существуют в тесной взаимосвязи. Исследование особенностей материальной и духовной культуры русского народа в тесной связи с устным народным творчеством – одно из направлений современной русской диалектологии и таких сравнительно молодых научных отраслей, как лингвофольклористика, этнолингвистика и лингвокультурология.

Актуальность исследования определяется пристальным вниманием отечественных диалектологов к изучению словарного состава русских народных говоров в различных аспектах – историко-лексикологическом, лингвогеографическом, этнолингвистическом и других, что связано в настоящее время с составлением Лексического атласа русских народных говоров (ЛЯРНГ).

Источником материала для наших наблюдений послужили рукописные тексты русских песен, подготовленные для издания II тома антологии «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки». В народных песнях закреплено немало интересных и самобытных слов, отражающих характерные реалии народной жизни. Изучение языка в соотношении с трудовой деятельностью и духовной культурой народа позволяет полнее выявить семантику диалектных слов, охарактеризовать причины появления тех или иных лексем, показать воздействие народной культуры на формирование и функционирование языковых единиц.

Лексика фольклора представляет собой объединение неоднородных разрядов слов: общеупотребительной лексики, фольклоризмов, диалектизмов, архаизмов, просторечия, окказионализмов, – которые обла-